

Борис Сергеев

Александр Рода-Рода
1872—1945

Бык, осел, верблюд

Держал однажды халиф суд.

Тут предстали перед его тронем три странных истца: верблюд – осел – и бык.

Говорил за всех, естественно, верблюд; у нас ведь тоже всегда так бывает. И вот верблюд начал:

"О великий халиф! Сосуд и воплощение справедливости! Ты украшение трона! Твердыня упования народного! Я, бедный верблюд – вот мой брат, бык – и наш двоюродный брат, осел – предстаем мы перед твоим золотым тронем, о халиф, дабы подать жалобу на людей, которые исстари поносят и оскорбляют наши роды, употребляя наши честные родовые прозвания для поругания и посрамления друг друга. Сотворит человек глупость, так разве говорят ему другие люди: "Ты человек!" – нет, они говорят: "Ты верблюд!" – Скажи, о великий халиф: справедливо ли это? Позволишь ли ты и впредь нам терпеть такую обиду?"

Долго-долго раздумывал халиф.

"Гм", - сказал он, - "Жалобу вашу я не хочу отклонять так уж с порога – однако... запрету, которого вы просите, противостоит древний обычай людей так употреблять слова. – Все же: попытайте счастья! Пойди ты, верблюд, на юг – ты, осел, на запад, – а ты, бык, на север – странствуйте семь дней и постарайтесь найти людей глупее вас. Если это вам удастся, возвращайтесь и сообщите мне об итогах вашего странствия. Тогда я скажу, как надлежит решить ваше дело на будущее. – Ступайте – вы свободны!"

Все трое ушли.

Через семь дней они возвратились – и бык рассказывал:

"О великий халиф – полагаю, я выполнил свою задачу. Я, кажется, нашел людей, которые глупей быков. – Был я в Арбеле. Там на рынке стоял закованный в кандалы мужчина, и обвинялся он в краже кошель с золотом. – Только тот мужчина клялся в своей невинности; в то время, когда, очевидно, произошла кража, он-де был у своей матери. – "Раз так", - говорили люди в Арбеле, – "Тогда все обстоит очень просто – тогда мы спросим мать. Она весьма благочестивая и правдивая женщина – она, конечно, лгать не будет". – Скажи, о великий халиф: так не были ли эти люди в Арбеле глупее, чем быки, раз думали, что мать не станет клятвопреступницей ради своего ребенка?"

"Ты выиграл свое дело", - сказал халиф. – "Послушаем, что предложит осел!"

"И-а, и - а – и я тоже полагаю, что решил свою задачу. – Я рысью бежал через Гавгамелу. Там собрались толпой мятежники и ворвались в дом тамошнего городского старейшины. Они изловили старейшину и учинили над ним суд, так как он, видимо, был порочен, продажен и корыстен. И они бросили его на костер и сожгли. Затем, однако, они выбрали другого городского старейшину - и приветствовали его возгласами ликования, когда он обещал им: он будет неизменно честно служить только ради общего блага. – Скажи, о великий халиф: не были ли эти люди в Гавгамеле глупее, чем ослы – раз думали, что облеченный властью не поступится благом подданных ради своего собственного?"

Задумчиво погладил повелитель свою белую бороду и спросил верблюда. И верблюд отвечал:

"Я пасся на лугу. И вот пришли туда девушка с юношей. Он хотел поцеловать ее – она отбивалась. Он хотел обнять ее – она отказывала ему. Он-де непостоянен, говорила она – завтра он полюбит другую. – Тогда он поднял правую руку в знак клятвы. "Никогда, любимая", - кричал он, – "Клянусь тебе, пока я жив, я всегда буду любить тебя – только тебя". – Услышав это, она бросилась ему на грудь. – Скажи, о

великий халиф – разве не был глуп юноша, который клялся в своей вечной верности женщине? И разве не была девушка, которая поверила в его историю с вечной верностью, глупее чем верблюд?"

"Довольно", - крикнул халиф, - "Вы все трое выиграли ваше дело. И клянусь своей бородой: впредь в моей стране ни одному мусульманину не вздумается поносить человека из-за его глупости именем одного из ваших родов. – Ступайте – вы свободны!"

Все трое ушли.

За воротами верблюд сказал:

"Братья, готов биться об заклад - старый осел воображает, будто своим решением помог нам".